

ВЫНОСЧИК

ТРИ ВОЙНЫ ВАДИМА ГОРСКИХ

МИР

ТОМ ВТОРОЙ

«Война научила умирать. Мир научил жить»

Андраник Алавердян

Алавердян Андраник

Выносчик — Том 2. Мир

<https://litres.ru/74575307>

SelfPub; 2026

Аннотация

ТОМ ВТОРОЙ. «МИР»

Серия: «Выносчик. Три войны Вадима Горских» — книга 2

Осень 2000-го. Вадиму Горских двадцать четыре: за спиной две войны и осколок у позвоночника, впереди — мир, в котором надо учиться жить заново.

Будет вечерний институт и первая строка кода. Страна под названием 1С: дискеты, ночные внедрения и пятнадцать дверей — пятнадцать фирм за пятнадцать лет, куда он приходит, чинит и уходит. Будет любовь, которая уедет в Питер, и письмо 1995 года, которое останется в нагрудном кармане навсегда.

Будет Адлер и горсть земли с могилы Санька — долг, который надо отдать. Пустая ковидная Москва, где берёзы цветут без свидетелей.

А потом — утро 24 февраля 2022 года. И сорокасемилетний программист поймёт: между матерью и долгом он выберет обоих.

В марте, у берёзы, мать скажет: «Иди. И возвращайся — тоже в марте». И он сорвёт с дерева лист — третий талисман, к письму и земле.

Война научила его умирать. Мир научил жить. Теперь — проверить, чему научило всё вместе.

Содержание

Глава Двадцать пятая. Прикладная Информатика	5
Глава Двадцать шестая. Война Дисциплин	11
Глава Двадцать седьмая. ХАСП	18
Глава Двадцать восьмая. Ритуал	25
Глава Двадцать девятая. Самоучка	31
Глава Тридцатая. Пора, Вадим	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алавердян Андраник

Выносчик — Том 2. Мир

«Платформа — автомат. Стрелять — всю жизнь учишься» — слова первого франчайзи, 2001 год.

Автор: Алавердян Андраник Аришикович

Глава Двадцать пятая.

Прикладная Информатика

Осень двухтысячного года стояла в Москве золотая, долгая, бархатная — та самая осень, про которую потом, в любые другие годы, говорили «как в двухтысячном».

Вадим вернулся в город, в институт и в жизнь — и жизнь эта с первых дней пошла по новому расписанию, который он выдерживал потом все пять лет без единого сбоя: подъём в шесть, склад к восьми, склад до пяти, метро до института, пары с шести до десяти, дом к одиннадцати, час — на задачник, отбой в полночь. Мать, с которой он теперь снова жил, сначала ахала: «ты же убится так можешь», — потом привыкла и стала частью этого расписания: книжка с задачами лежала у него на кухонном столе, и она, проходя мимо, трогала её ладонью, как трогала его голову в детстве, — что-то

такое, материнское, без слов.

Информационные технологии встретили его в виде аудитории на третьем этаже филиала Московского государственного университета сервиса — МГУС — на шоссе Энтузиастов — до туда от Кузьминок было ближе, чем казалось. пятнадцать минут наземным транспортом, — и в этом была своя правда: судьба поселила его учиться рядом с домом. Длинная комната с двумя рядами столов, на столах — мониторы, огромные, вздутые сзади, как чемоданы; системные блоки лежали под столами, как спящие собаки; и всё это гудело — тихо, электрически, на одной ноте, — и от гула этого, от белизны экранов, от рядов клавиатур в аудитории пахло будущим — тем самым, о котором говорил Профессор: «все будут жить в компьютерах».

Первое занятие по информатике вела женщина лет пятидесяти, доцент Маргарита Сергеевна, сухонькая, быстрая, с мелом вместо указки. Она рассказала, что такое алгоритм, — «конечная последовательность точных предписаний», — и Вадим, записывая, подумал, что всё это он где-то уже слышал: в армии это называлось «порядок выполнения». Отличие было одно: здесь за ошибку в последовательности не убивало. «Хорошая тема, — записал он на полях. — Надо освоить».

Осваивал он — по-своему, по-фронтовому: не «посещал пары», а «отрабатывал». Каждый вечер — задачник; каждую субботу — машинное время в аудитории (по расписанию,

два часа); каждое воскресенье — конспекты, от руки, в общих тетрадах, которые он подшивал в хронологическом порядке, как подшиваются документы штаба. Однокурсники посмеивались сначала — «военный маньяк», — потом стали просить его тетради перед сессией: они были — лучше учебника.

Паскаль достался ему нелегко — но интереснее всего. Первая его программа — «Введите два числа» — выводила сумму; он набрал её, скомпилировал, запустил — и когда на чёрном экране, в зелёных буквах, появился результат его собственного, набранного им текста, — он почувствовал то, что чувствовал когда-то в учебке, с первым выстрелом: оружие работает. Только это оружие не убивало — оно считало. «Вот, — думал он, глядя на экран. — Вот моё новое оружие. Странное. Хорошее».

Профессор, который учился тогда же, но днём и в другом вузе (он-то и надоумил), навещал их с матерью по воскресеньям. Приносил своего «Паскаля» на дискетах, книги, журналы «Компьютерра» и «Мир ПК», и они вдвоём, на кухне, при чае, разбирали задачи; Профессор рассказывал про «виндоус», про интернет (модем, «пять-шесть килобайт в секунду, Вадь, это же скорость!»), про то, что «сейчас, слышь, начнётся: фирмам нужны программисты, как нам в девяносто четвёртом — морпехи». Мать сидела тут же, слушала, кивала, — и однажды сказала свою фразу, которую Вадим запомнил и которой потом объяснял все свои «пятнадцать

фирм»:

— Пусть ходит, пусть смотрит. Мужчина должен на всех хозяев посмотреть, пока своего не найдёт. Как в жизни.

Зимой была первая сессия. Он сдал всё — на «хорошо» и «отлично», — и когда выходил с последнего экзамена, по математике, — преподаватель, старик с трубкой, остановил его в коридоре: «вы же раньше служили, верно? По глазам видно. Так вот: таких, как вы, я за тридцать лет — пятеро. Учитесь дальше». Это была первая внешняя оценка его новой жизни — и он нёс её домой, как нёс когда-то «первую церковно-приходскую» сводку о своей роте: бережно, внутрь.

А в феврале двухтысячного, на складе, где он работал, случился его «первый бизнес» — то, с чего начался его путь в 1С, хотя он тогда не знал этого слова. Фирма, владевшая складом, купила себе «компьютерный учёт» — программу «1С:Предприятие 7.7», в жёлтой коробке, — и привезла ставить: приехал парень, «франчайзи», с дискетами, и три дня колдовал. Вадим, который по складу был «при деле», стоял рядом и смотрел — не отойти было: он впервые видел, как его склад — его карточки, его весы, его «сальдо» — переезжает в машину. Программа оказалась — живая: в ней были ячейки, справочники, «документы», и всё это связывалось, считалось, печаталось. Парень-франчайзи, худой, но живой, еврейской наружности, заметил его интерес и за три дня разговаривал его: «что, нравится? Это ж только начало. Научиться может любой — было бы терпение. Платформа, заметь,

одна, а конфигурации — какие хочешь: торговля, склад, зарплата. Ты склад знаешь? Так ты и будешь складские делать лучше всех».

— А где на это учат? — спросил Вадим.

— Ха! — парень махнул рукой. — Нигде. Книги есть. И — практика. Тебе как военному объясню: это — как с автоматом: разобрать за неделю можно, а стрелять — вся жизнь учишься. Платформа — автомат. Стрелять — конфигурации.

Вадим кивнул. Он понял — и запомнил. «Платформа — автомат. Стрелять — вся жизнь». Он ещё не знал, что этот разговор — точка входа: что через год он сам будет возить дискеты в кармане бушлата, а через двадцать три года — объяснять мальчишкам-стажёрам то же самое, теми же словами.

Весной двухтысячного он закрыл первый курс на «отлично» и подал документы на перевод... нет — не на перевод: он просто остался. Но решил внутри — твёрдо: следующее лето — на работу «к компьютерам». Профессор к тому времени устроился в контору «по информационным системам» и звал: «приходи к нам, сторожем! Я серьёзно: сторожем в контору с компьютерами — и будешь на машинах ночами сидеть». Вадим смеялся: «мне, Профессор, не машины нужны, а дело. Машины — они и на складе есть. Дело — где?» — «Дело, — сказал Профессор, — в отчёте. Найди отчёт — найдёшь дело».

Эта формула — «дело в отчёте» — оказалась пророческой. Летом двухтысячного он нашёл свой первый отчёт: дядя Саша, у которого «Продметснаб» доживал последние месяцы, позвал его «навести порядок в бумагах перед закрытием» — и Вадим, наводя, написал (от руки, на миллиметровке!) свой первый «отчёт»: свод недостатков по складу за три года, с группировкой по поставщикам. Миллиметровка потом месяц лежала у дяди Саши в сейфе: «пусть, — сказал он, — покупатель придёт — я ему эту бумагу покажу: вот, какая у меня была последняя честность».

Так — за год — сложился весь его новый мир: институт, склад, миллиметровка, Паскаль, Профессор с чаем по воскресеньям, мать с задачником на столе. Мир стоял на трёх ногах, как табурет его отца, — и Вадим знал, что это — надолго: теперь он не «вернулся с войны», он — жил. Впереди были ещё три курса, «дело в отчёте» и целая страна под названием 1С, в которой ему предстояло пройти путь от стажёра с дискетами до ведущего разработчика, — но это — потом. А пока, в мае, в конце первого курса, он сидел на последней паре, у окна, и смотрел, как во дворе института цветёт черёмуха, и думал, что жизнь — всё-таки удивительно хорошая штука, если в ней вовремя сказать «да».

Глава Двадцать шестая.

Война Дисциплин

Зима в тот год пришла в Москву не постепенно, а сразу, как входит в дом настоящая хозяйка, которую давно ждали: за одну ночь в конце ноября выпал глубокий сухой снег, мороз взял лужи в лёд, стёр последние запахи осени, и город, до того споривший, торопившийся, гудевший своими рынками и маршрутками, притих — не от усталости, а от уважения к силе, которая больше его суеты.

В Кузьминках снег лёг на парк, на пруды, на старые берёзы вдоль Юных Ленинцев, и берёзы стояли белые, тяжёлые, в глубоких снежных шапках, и казалось, что они не стоят, а молчат — каждая о своём. Вадим шёл мимо них утром в шестом часу, в темноте, по скрипучему снегу, и думал: вот так же стоят зимой берёзы в Дудкине, над прудом, только там их никто не видит, и от этого они ещё белее и ещё тише.

Зимний распорядок его был тот же, что и осенний, только темнее. Подъём в шесть. Склад к восьми: приёмка, расход, карточки, ртутные лампы, грузчики, вечное «куда списать бой». В пять — смена кончалась, и он ехал через весь свой северо-восточный маршрут на шоссе Энтузиастов, в филиал, где с шести до десяти шли пары. Домой — к половине двенадцатого. Час — на задачник. Отбой в час. И так — неделю

за недель, месяц за месяцем, и сон, сжатый до пяти-шести часов, стал не отдыхом, а нормой, как нормой на войне была сырость.

Мать сначала боялась за него, потом перестала бояться и стала помогать — по-своему, тихо. К его приходу на кухне горела лампа и стоял чайник; задачник лежал на столе на одном и том же месте, и она, проходя мимо, трогала его ладонью — так, ничего не говоря. Глаза у неё к той зиме стали сдавать: вечером, при свете, она не могла вдеть нитку в иголку и подзывала его, и он вдевал, стараясь не смотреть на её припухшие веки, на очки, которые она всё откладывала покупать, — «накопим, сынок, после праздников». Сердце у неё тоже играло: два раза за зиму она сидела бледная, с валокордином на подоконнике, и оба раза запрещала ему звонить в скорую. «Это пройдёт, — говорила она. — Учись. Не смей пропускать».

И он не пропускал.

Сессия на первом курсе — первая в его жизни студенческая сессия — началась в середине января и шла три недели, и он понял сразу: это война, только дисциплин. Каждый предмет — свой фронт. Математика — главный удар: интегралы брались не с ходу, а методично, как берётся высотка, — обходом, с фланга, по ночам. Иностраннный — изматывающая перестрелка: школьный английский за десять лет пророс чертополохом, и пришлось полоть. Информатика — прорыв: здесь он был сильнее преподавателя в одном — в

упорстве; программы его были неуклюжи, как молодые солдаты на первой строевой, но выполняли приказ точно. История и философия — партизанский фронт: там надо было не воевать, а понимать, а понимать он умел.

Он готовился к сессии, как готовился когда-то к выходам. План на стене, часы, контроль, резерв. Конспекты — от руки, в общих тетрадях, подшитых по хронологии, — перед сессией расходились по рукам: однокурсники, мальчишки и девчонки, почти вдвое моложе его, сначала посмеивались — «дед закрыл тему», — потом ходили за ним гуськом, как за фельдшером. Он не задавался. Ему было странно и тепло от этого: он, к которому на гражданке привыкли присматриваться с опаской — «чеченский», — здесь был просто сильным в группе. Сила на мирном деле оказалась той же силой.

Кабинет системотехники, где им давали машинное время, был длинный, с двумя рядами столов, и стояли на столах мониторы старого образца — пузатые, тяжёлые, вздутые сзади, как чемоданы; экраны их дрожали иплыли, если сфотографировать их глазом, — не получалось: они жили в своей, своей лишь им ведомой частоте, и от долгой работы за ними ныли глаза, а по комнате плыл ровный электрический гул, слышный только когда все замолкали. Вадим любил этот гул. В нём было что-то от гула хорошо налаженного станка — не война, не машина, а просто дело, которое делается.

По воскресеньям приезжал Профессор. Он тогда уже работал в своей конторе по информационным системам и

учился где-то ещё, вечно учился, — и приезжал к ним на кухню со своим рюкзаком, из которого доставались: диски, журналы, иногда книги, а один раз — целая подшивка газет с объявлениями. За чаем он разворачивал перед Вадимом мир, как карту.

— Смотри, — говорил он, тыча пальцем в строчки. — «Требуется программист. Знание Паскаля. Оплата от трёхсот у.е.» Триста, Вадь. Ты на складе сколько получаешь? Вот то-то. А дальше будет больше. Я в конторе вижу: кто хоть что-то умеет — тем цены нет. Программировать можно за деньги, Вадим. Понимаешь? За настоящие деньги.

— За деньги — это понятно, — говорил Вадим. — Непонятно — за что платят. За то, что человек пишет буквы?

— Не буквы. За порядок, — сказал Профессор серьёзно. — Программист — это тот, кто наводит порядок в чужой путанице. Тебе, военному, близко? Война с хаосом, только без крови. Сортируешь, нумеруешь, связываешь — и хаос работает на человека.

Вадим молчал. Ему было близко. Ближе, чем он мог сказать: наводить порядок в путанице он умел с детства — отец учил: сначала разложи инструмент, потом работай. В иде — порядок был вообще всем: и в казарме, и в его собственных тетрадах, и в том, как он чистил до блеска не нужный никому склад.

В ту зиму Профессор показал ему Паскаль по-настоящему — не институтский, лабораторный, а рабочий: циклы,

массивы, процедуры. Они сидели ночью, на кухне, на принесённом с работы Профессора старом компьютере, и Профессор диктовал задание, а Вадим писал. Выходило у него медленно, но чисто: он не торопился, проверял каждый шаг, и Профессор, глядя на это, засмеялся:

— Ты пишешь код, как наряд оформляешь. Всё по форме.

— А как надо?

— Никак не надо. Так и надо, — сказал Профессор. — Половина программистов в стране пишет как попало, и потом их код падает. А твой — не упадёт. Твой — ровный.

«Ровный». Слово зацепило Вадима внутри, старое слово, из другой жизни: так говорил старшина Захарченко, Батя, — «ровно, Горских», и это значило высшую оценку, выше которой в армии не бывает. И вот оно вернулось — на кухне, над клавиатурой, из уст очкастого друга. Вадим усмехнулся тогда в темноте сам себе: выходит, и здесь можно служить ровно.

В феврале он сдал последнюю сессию — сессию первого курса — без троек, с двумя пятёрками, и преподаватель математики, старик с трубкой, остановил его в коридоре и сказал то, что Вадим потом носил в себе, как носят орденскую планку, — тайно и греясь: «Таких студентов, как вы, я за тридцать лет видел пятерых. Не бросайте».

Он не бросал. Он шёл домой через Кузьминский парк, и была оттепель, и снег на берёзах осел и потяжелел, и с чёрных веток капало, и капли, падая в снег, пробивали в нём

маленькие круглые колодцы, — он шёл и смотрел на это, и думал, что пять часов сна — это не жертва. Жертва — это когда человек спит десять, а на сердце пусто. А у него на сердце было занято: институт, склад, тетради, мать, профессора карта будущего. И то, что лежало в нагрудном кармане, между блокнотом и ручкой, — сложенный вчетверо листок, посланный ему в марте девяносто пятого из Питера, — оно лежало молча, и он не перечитывал его, оно ему ничего не говорило и не мешало; оно просто было с ним, как шрам, который не болит, пока не трогаешь, — и на то, чтобы не трогать, у него хватало теперь выдержки.

Зима кончилась вдруг, как кончаются в Москве все зимы: за одну неделю. Снег почернел, осел, потёк; на берёзах набухли серёжки; в лужах встало длинное, в полнеба, отражение — и город, вырвавшись из белого плена, загалдел, зашумел, побежал. А Вадим остался при своём: подъём в шесть, склад, пары, задачник, отбой в час. Распорядок пережил зиму, как переживают зиму окопы: осел, обледенел, но держал.

И была в этом распорядке своя, никому не видная точка опоры. На войне его держал приказ и то, что слева и справа — свои. Здесь никто не командовал — ни в шесть утра, ни в полночь; здесь каждый шаг был добровольным, и оттого — весомее. Он понимал это ещё смутно, словами не умел, но чувствовал телом, как чувствуют устойчивую землю под ногами: в мире тоже нужна выдержка, только тихая. Война проверяет человека громом. Мир проверяет тишиной. Вто-

рое — труднее.

Глава Двадцать седьмая. ХАСП

Весна в тот год пришла ранняя и шумная. Уже в конце марта ударили тёплые дни, в южных окнах института раскрылись форточки, и с улицы, от трамваев и ларьков, тянуло талой землёй и бензином — запахом города, который просыпается после долгой зимы, будит свои канавы и не узнаёт себя в лужах.

В один из таких дней — вторник, после первой пары, — Профессор перехватил его на лестнице. Он пришёл специально, в плаще, с рюкзаком, с горящими глазами, и Вадим понял по одному его виду: есть новость.

— Садись, — сказал Профессор. — Нет, стой. Слушай. У нас в конторе смежники — фирма «АС-Сервис», франчайзи 1С. Их главный — Шестаков, Виталий Павлович, все зовут Палыч. Мне про тебя рассказали, что ты после института в 1С ковыряешься, — я и сказал: есть человек. Им стажёр нужен. На подхвате. Обновления, выезды. Платят мало, сто пятьдесят — двести у.е., зато практика — настоящая, живая, у клиентов. Учиться будешь быстрее, чем в институте. Ну?

Вадим молчал. У него уже была работа — склад, ртутные лампы, карточки; уходить со склада — значило терять полставки и привычный распорядок. Но он уже год смотрел в одну и ту же сторону: на жёлтую коробку 7.7, на парня с дискетами, на мир, где наводят порядок в чужой путанице за

деньги.

— Когда идти? — спросил он.

— Завтра в десять, — сказал Профессор. — Записывай адрес.

Офис «АС-Сервиса» находился в двухэтажном здании бывшего проектного института, в стороне от дороги, за киоском и лысым тополем; на двери — стеклянная табличка с логотипом, внутри — коридор, три комнаты, чайник, гул компьютеров и запах старого линолеума, сигарет и надежды.

Палыч оказался мужиком лет пятидесяти, крепким, с короткой стрижкой, с хитрыми прищуренными глазами и громким голосом человека, привыкшего перекрикивать дрель. На столе у него стоял монитор, лежали дискеты, CD, пачка накладных и какая-то маленькая коробочка, к которой шёл провод, — Вадим потом узнал: ключ защиты, хасп, синенький, воткнутый в параллельный порт принтера.

— Так, — сказал Палыч, оглядев его. — Морпех, значит. Чечня, значит. Институт — вечерний, значит. — Он помолчал. — А бросить захочешь — не побежишь?

— Не побегу, — сказал Вадим.

— Это все говорят, — Палыч качнул головой. — Вот у меня было три стажёра. Один через месяц ушёл — «не моё». Второй через два — «мало платят». Третий доучился до конца и ушёл в банк. А ты чем лучше?

Вадим подумал. Ответить хотелось честно, а честный ответ был длинный, и он сократил его, как сокращают донесе-

ние:

— Я с дела не ухожу. Приучен.

— Приучен, — повторил Палыч. — Ладно. Вот тебе испытание. — Он выдвинул ящик, достал оттуда дискету, протянул. — Релиз обновления. Завтра у клиента надо обновить бухгалтерию. Сначала — здесь, на стенде, прогони: бэкап, тестирование, обновление в монопольном режиме, потом ещё раз тест. Сделаешь — поговорим дальше. Не сделаешь — до свидания, спасибо за честность.

— Сделаю, — сказал Вадим.

— Ну-ну, — сказал Палыч. И добавил, уже в спину, громче: — И вот что, морпех. Морпехи не бросают начатое. Я в этом весь расчёт и строю.

Стенд у них в конторе был второй компьютер, старый, с шумным вентилятором; Вадим сел за него в тот же вечер, после института, и сделал всё, как учили: скопировал базу, выгрузил её в архивный файл — это называлось «сделать бэкап», — потом запустил тестирование и исправление, потом конфигуратор, обновление, монопольный режим, снова тест. Всё это он делал первый раз в жизни, и руки его действовали медленно и точно, как действовали когда-то при разборке незнакомого оружия: не спеши, присмотришь, запомни порядок. Вышло к ночи. База обновилась, документы открывались, отчёты считались. Он выгрузил бэкап ещё раз, подписал дискету и лёг спать в первом часу.

Наутро Палыч проверил — молча, при нём, всю цепочку,

— и сказал только:

— Ладно. Выходи в понедельник.

Так Вадим стал стажёром «на подхвате». Работа была простая и бесконечная, как солдатская: обновление баз 7.7 у клиентов, дискеты с релизами — потом уже CD, — выезды «на клиента» по заявкам, день сисадмина: где принтер зажевал бумагу, где «конверт с ключом» не видит хасп, где виндоус встал криво. Он ездил по всему своему северо-восточному маршруту и дальше — по малому бизнесу Москвы и ближайшего Подмосковья: пекарни, стройки, магазинчики, фирмочки с вывесками из плёнки. Он входил в эти конторы с коробкой дискет, как входил раньше в чужие дворы с проверкой: тихо, вежливо, ко всему готовый. И мало-помалу начал понимать: малый бизнес России — это и есть страна; не та, что по телевизору, а та, что сидит в задних комнатах, считает на калькуляторе и молится, чтобы завтра не отменили отсрочку по налогам.

Первый самостоятельный выезд случился у него в апреле. Заявка была короткая: «бухгалтер, база не открывается, отвалился хасп». Адрес — за кольцевой, в сторону МКАД, промзона, швейный цех. Он ехал туда наземным транспортом больше часа, весенний дождь прошёл ещё утром, и город после дождя блестел, как новая, только что установленная конфигурация: чисто, свежо, без единой ошибки.

Бухгалтером оказалась женщина лет сорока пяти, полная, с испуганными глазами, в кофте поверх формы. Она повела

его в комнатку без окна, где стоял компьютер и лежали горы папок.

— Не работает, — сказала она жалобно. — Вчера работало. Сегодня — не работает. Я всё пробовала. Я чуть не плачу.

— Не плачем, — сказал Вадим. — Смотрим.

Он сел. Машина грузилась долго, вентилятор гудел бешено. Он посмотрел назад, на системный блок: хасп висел на порту принтера, но сидел на порту не до конца — чуть перекошен, держался на честном слове. Кто-то — судя по всему, уборщица, сдвигавшая стол, — задела провод, и контакт пропал.

Вадим выключил машину, вынул ключ, вставил снова — до щелчка, включил. База поднялась с первого раза. Бухгалтерница ахнула, всплеснула руками:

— И это всё? И из-за этого я с утра на стенку лезла?

— Из-за этого, — сказал Вадим. — Провод задели, ключ отошёл. Он теперь крепко сидит. Но я его на скотч зафиксирую, чтобы не отходил.

Он зафиксировал. Потом, не уходя, сделал то, что полагалось по новым правилам Палыча: проверил бэкап, посмотрел журнал регистрации, обновил базу до последнего релиза — дискета была с собой. Всё это заняло полчаса. Бухгалтерница смотрела на него, как смотрят на фокусника.

— А вам не сложно было ехать? — спросила она. — Из-за такой мелочи, часа на три вместе с дорогой?

— Не сложно, — сказал Вадим.

Он не стал объяснять ей, что мелочей не бывает. Что ключ, отошедший на полмиллиметра, останавливает цех, а остановленный цех — это чужая зарплата, чужие дети, чужая судьба. Он знал это не по учебнику. Он это видел — там, где остановка стоила не зарплата, а жизни, и потому относился к «отвалившемуся хаспу» с тем же серьёзностью, с каким относился когда-то к не вставшему по весу магазину автомата.

Обратно он ехал в переполненном автобусе, прижатый к окну, и смотрел, как за стеклом проплывает мокрая, дымящаяся после дождя Москва: гаражи, ряды киосков, чёрные тополя в белой пуховой позументе. В кармане у него лежала квитанция с подписью бухгалтерши — «работы выполнены, претензий нет», — первая квитанция в его жизни, заработанная не руками грузчика, а головой и знанием. Он трогал её через ткань куртки и чувствовал глупое, молодое счастье, которое не испытывал давно, — счастье от того, что нужен.

Дома он рассказал матери. Мать слушала, кивала, а потом сказала:

— Сынок, ты как отец: руки при деле. Он бы рад был.

Она сказала это спокойно, но глаза у неё заблестели, и она вышла на кухню, будто к чайнику, — а он остался стоять в комнате, и стояло в ушах её «рад был», и было в этом слове что-то от того, отца, тёплое, из детства, из гаража, от запаха машинного масла.

Вечером позвонил Профессор.

— Ну что, стажёр? — спросил он весело.

— Стажёр, — согласился Вадим.

— Держись. Теперь будет тяжело и интересно. Это лучшее сочетание.

— Знаю, — сказал Вадим. — Я в таком сочетании два года прожил.

Профессор помолчал и ответил тихо:

— Да. Я помню. Береги себя там, в этих выездах. Ты теперь тоже, считай, на войне — только война у тебя теперь с хаосом. С ним, брат, похуже некоторых фронтов бывает.

Вадим положил трубку и подошёл к окну. Дождь начинался снова, редкий, крупный; по стеклу ползли капли, срывались, и в фонарном свете каждая падающая капля на секунду вспыхивала серебром, как сигнал, как далёкая ракета над позициями, — только мирная, тихая, никого не зовущая на бой.

Глава Двадцать восьмая. Ритуал

Лето того года было жарким и белым от пыли. Июль стоял над Москвой неподвижно, как стояла бы над окопом духота перед грозой, — только гроза не собиралась, и город плавился, обливался, пил мороженое и оплывал асфальтом. Вечерами, после пар, Вадим выходил из здания института на шоссе Энтузиастов, и его обдавало тёплым дыханием шоссе — бензин, пыль, смола, — и над всей этой духотой, над крышами и антеннами, висело высокое белёсое небо, ни тучки, ни ветра, и в небе этом было что-то от неба над южными горами: то же выпцветшее, выжженное безразличие.

Летом у франчайзи было мёртвый сезон и живая работа — так учил Палыч. «Мёртвый сезон» значило: бухгалтерия в отпусках, до закрытия квартала далеко, больших внедрений никто не начинает. «Живая работа» значило: те, кто работает, — ломаются; а кто ломается летом, тому надо чинить летом. И Вадим ездил и чинил.

К осени он уже знал работу стажёра наизусть, и работа эта сложилась в его руках в порядок, в чёткий ритуал, почти в службу. Обновление информационной базы он производил как обряд — всегда один и тот же, всегда в одном и том же порядке, и порядок этот никому не был вменён, он выработался сам, из опыта, как вырабатывается порядок подготовки оружия к бою.

Сначала — бэкап: выгрузить базу в файл, проверить, что файл не пустой и открывается; бэкап — это патрон в патроннике, без него не выходить. Потом — тестирование и исправление ошибок: база, как человек, копит в себе болезни и молчит, пока не рухнет; тестить её надо до обновления и после. Потом — само обновление, в монопольном режиме, когда все пользователи выведены и база заперта изнутри, — потому что обновлять открытую всем базу — всё равно что менять колесо машине, которая едет. И в конце — снова тест, снова бэкап, и записка клиенту: что сделано, что проверено, что делать, если что.

Он писал эти записки от руки, косым, ровным почерком, и Палыч, увидев первую, долго её рассматривал.

— Ты что, — спросил он, — в армии писарем был?

— Нет. Но донесения писать приучен.

— Донесения, — Палыч усмехнулся и положил записку на стол. — Оставь. Я её в рамку вставлю. «Что сделано, что проверено, что делать, если что». Половина контор в городе не умеет так после себя убирать.

Клиенты у «АС-Сервиса» были те самые, из которых состоит страна: пекарня в Люблине, где пекарь-хозяин сам стоял у теста и сам же вводил накладные, руки в муке; стройка у станции, где прораб держал базу в вагончике и боялся её, как боится живого зверя; магазинчик запчастей, где супруги торговали и ссорились прямо при нём, она — за кассой, он — за компьютером; фирмочка с вывеской «Оптовая тор-

говля», три стола, директорская иномарка у входа и налоговая, ходившая кругами. Вадим смотрел на эти конторы, как смотрел когда-то на чужие гарнизоны: у каждой свои порядки, свой часовой, свой склад боеприпасов, свой командир со своим характером. И у всех — одна беда: учёт.

Учёт в стране был болен. Не программа была больна — страна была больна: вчерашняя советская бухгалтерия, выброшенная на рынок, как выбрасывают старую мебель, цеплялась за жизнь кто как умел. Вадим видел шкафы с папками, где за девяносто восьмой год лежали пустые корешки; видел тетради в клеточку, ведённые параллельно базе, «на всякий случай»; видел главбуха, которая отказывалась уходить с 7.5, потому что «на ней вся отчётность сидит, а на вашей ещё неизвестно что». Он никого не переубеждал словами. Он делал своё дело ровно — и они привыкали.

Осенью случился и первый разговор о границах. Приехал он на обновление к директору оптовой фирмочки — тому самому, с иномаркой; тот, проводив его в кабинет, прикрыл дверь и, глядя в сторону, заговорил о другом:

— Слушай, тут какое дело. Товар у меня часть идёт мимо кассы. Ну, сам понимаешь. Сделай так, чтобы эта часть в оборотах не светилась. Тебе — пятьсот, сверху, наличными. И дальше так же будем.

Вадим молчал. Пятьсот — это было больше его месячной тогдашней. Он молчал и смотрел на директора, а в голове у него, чётко, по-уставному, выстраивался ответ, и ответ был

не про деньги.

— Не сделаю, — сказал он.

— Боишься? — директор усмехнулся. — Все боятся, а делают.

— Не боюсь. Не буду. Программа считает то, что есть. Если у вас товар идёт мимо учёта — это не к программе, это к вам. Чинить надо не базу.

— А ты не умник, — директор нахмурился, и лицо у него стало тяжёлое. — Все умничают, а жить как?

— Честно, — сказал Вадим. — Труднее, но проще.

Он обновил базу, подписал акт и уехал. В офисе рассказал Палычу — не жалуясь, а докладывая, как положено. Палыч выслушал, кивнул и налил себе чаю.

— Правильно, — сказал он. — И вот что, Вадим, запомни, это тебе не в институте расскажут. К нам такие заходят постоянно: «сделай, чтобы не светилося», «подрихтуй отчёт», «а можно это стереть». Лет пять назад я тоже махал рукой — выживание, рынок, все так. А потом понял простую штуку. Мы не для этого. Мы — порядок наводим, а не прячем сор. Кто прячет сор — того рано или поздно накрывает, вместе с нами, потому что подпись наша рядом стоит. Так что правило конторы: серым — нет. Хоть пятьсот, хоть пять тысяч. Клиентов меньше — сон крепче.

— Понял, — сказал Вадим.

— Запомни ещё, — Палыч посмотрел на него внимательно. — Клиент, который просит такое, — он тебя не уважает.

Он тебя использует. А ты военный, ты разницу понимаешь: когда используют, а когда уважают. Впрочем, ты понимаешь.

Вадим понимал. Используют — когда берут и не считают-ся; уважают — когда берут и помнят. Разницу он узнал не в бизнесе.

Той же осенью у него завелась Аська. Показал её Профессор: установил на рабочий компьютер, дал свой номер, научил стучаться. Ночами, когда город затихал и мать уже спала, Вадим сидел на кухне в свете одной настольной лампы и слушал — как слушают эфир, — ждёт ли кто на связи. Профессор был онлайн ночами постоянно: у него был модем и жажда. Переписывались коротко, по-армейски:

«— как база, жива?

— жива. тормозит на группировке.

— индексы смотрел?

— смотрю».

Иногда приходил зелёный цветок чужого статуса — Палыч, — и они перекидывались парой фраз о завтрашних выездах; иногда стучались однокурсники — спрашивали конспекты. Ночь, кухня, лампа, стрекот модема — и вся страна, все её программисты, сидели так же, у своих машин, и это ночное братство казалось Вадиму похожим на наряд на станции: все спят, а ты при деле, и связь есть.

А в конце осени Палыч позвал его в кабинет, закрыл дверь и сказал, что по осени дел у конторы прибавилось и что Вадиму пора перестать быть «на подхвате».

— Со следующего года, — сказал Палыч, — поведёшь своих клиентов. Сам. От заявки до акта. Платить будем по-новому: ставка плюс проценты. Ты готов?

Вадим подумал и ответил, как отвечал всегда, когда был уверен:

— Готов.

За окном офиса догорал закат — низкое ноябрьское солнце уже утонуло в крышах, и небо над шоссе Энтузиастов стояло тёмно-синее, с одной длинной оранжевой полосой, ровной, как строка отчёта, — и Вадим, выходя вечером из офиса, посмотрел на эту полосу и подумал, что день, как база, закрылся корректно: без ошибок, с бэкапом. Таких дней у него с тех пор становилось всё больше.

Глава Двадцать девятая. Самоучка

Зима в тот год встала рано, в самом конце ноября, и с первых же дней пошла снегопадами — мягкими, обильными, городскими: снег валил густо, без ветра, фонари стояли в нём как в молоке, и по утрам Москва выходила раскапывать себя — скребками, лопатами, плечами, — и к полудню опять белела.

В ту зиму Вадим стал самоучкой.

Днём он работал: свои клиенты, заявки, выезды, акты. Вечером — институт: второй курс нагружал базами данных, и это было к месту. А ночью, на кухне, при лампе, он учился сам — по книге Радченко, купленной в дом техники наискосок от работы, толстой, в мягкой обложке, с дискетой внутри. Книга была путеводителем по стране под названием «1С:Предприятие 7.7»: язык, справочники, документы, регистры, запросы. Он читал её, как читают наставление по стрелковому делу: медленно, с карандашом, возвращаясь.

Он делал всё, что велела книга, и сверх того. Разбирал чужие конфигурации по ночам — выгружал, распечатывал модули, раскладывал по столу, как раскладывают схему связи. Устроил себе машинное время: у Профессора обновился компьютер, старый его он отдал Вадиму за бутылку чая, и теперь кухня ночью гудела, и модем стрекотал, и Аська моргала зелёным до двух часов. Он прошёл книгу за зиму — не

прочёл, а прошёл: с боями, с повторами, с ночными прорывами и утренними «не могу понять регистры». Регистры дались труднее всего.

Регистры — это было сердце семёрки, её тайная механика: не документы и не справочники, а движения, итоги, виртуальные таблицы. Вадим долго не мог их ухватить — понимал по отдельности, а вместе не складывалось, — и однажды в отчаянии сравнил с тем, что знал железно: это как расход боеприпасов. Документ «приход» — привезли ящики; документ «расход» — выдали; а регистр — это то, что осталось на складе сейчас, и то, что было на любое число. Склад боеприпасов, записанный в книгу движений. С этой минуты регистры встали на свои полки в его голове, и он уже никогда в жизни их не путал.

В феврале его позвали на хлебозавод.

Это был первый его самостоятельный клиент «по-крупному» — не пекарня, а завод: корпуса, силосные башни, запах тёплого хлеба на весь район, ночная смена, вагоны муки. Учёт стоял на «Торговле и складе» 7.7, и стоял плохо: базу вёл один человек, кладовщик-энтузиаст, который уже три года как стал «айтишником поневоле» и держал всё на честном слове, на дискетах и на страхе. Заявка пришлась на переделку отчёта «остатки и цены» — отчёт им нужен был свой: по складам, по группам, с ценами последнего прихода и колонкой отклонений.

Вадим приехал на завод в десять вечера, после института.

Его провели через проходную, где пахло дрожжами и ваксой, в конторку при лаборатории, где стоял компьютер и сидел тот самый кладовщик-энтузиаст, усталый мужик в свитере, все пальцы в мозолях от клавиатуры.

— Вот, — сказал он, показывая на экран. — Видишь, как долго? Каждый отчёт — минут пять. Начальство ругается. Говорят: конфа тормозит. А я что, я только кнопки жму.

Вадим сел, посмотрел базу — и увидел то, что видел потом на десятках заводов и что запомнил на всю профессию: база была запущена, как запускается техника без обслуживания. Три года движений, сотни тысяч записей, и всё это — без индексов, без архивации, с периодикой, не пересчитанной со дня установки, — и запрос, который гонял по всем этим полям полный перебор, разворачивая данные в память, как разворачивает пружину.

Он не сказал «конфа тормозит — надо новую». Он сделал то, что делал всегда: навёл порядок. Пересчитал итоги. Поставил в запросе условия на период, отрезал лишние поля, добавил индексирование там, где шёл перебор. Запустил отчёт — и он вышел не за пять минут, а за двадцать секунд. Кладовщик смотрел на экран, потом на Вадима, потом опять на экран — как смотрят на заклинание.

— Это всё? — спросил он шёпотом.

— Это начало, — сказал Вадим. — Теперь ваш отчёт.

Отчёт он писал две ночи. Писал — и сам себе удивлялся: оказалось, код писать можно по-разному. Можно писать

как в институте — лабораторно, ради зачёта. А оказалось — можно писать, как рассказывают историю: вот склад, вот товар, вот его цена последнего прихода; сперва спросим одно, потом другое, потом сложим и покажем человеку строку, чтобы он понял и обрадовался. Утром после второй ночи он запустил отчёт у кладовщика, отчёт вышел ровными колонками — остатки, цены, отклонения, — и кладовщик, глядя на него, вдруг говорит:

— Слушай, а ведь я эту таблицу десять лет на бумаге держал. Каждый день, от руки. А теперь — нажал — и есть.

— Теперь — нажал, — согласился Вадим.

Он ехался домой ночным троллейбусом — пустым, гулким, с жёлтым светом и мокрыми окнами; снегопад шёл, троллейбус шёл сквозь него медленно, с остановками, и Вадим стоял у окна и смотрел, как в белой мгле проплывают тёмные кроны деревьев, — простоял бы так до конца маршрута. Он был в тот час тихо, глубоко счастлив — тем редким счастьем, когда усталость правильная, дело сделано до конца и человек на своём месте. Десять лет человек писал таблицу от руки — и вот больше не будет писать. Это было маленькое, незаметное никем освобождение — и Вадим думал, что из таких маленьких освобождений, по одному заводу, по одному кладовщику, и складывается та большая перемена, которую никто не замечает, пока она не случилась.

Весной он сдал сессию второго курса, и Палыч, узнав про хлебозавод, долго молчал, а потом сказал:

— Так. Значит, так. Отчёты ты писать умеешь, базы чинить умеешь, клиента не испугал. Всё, Вадим. Ты больше не стажёр. Ты специалист. Оформляю.

Он поднял зарплату — впервые за год не на десятки, а вдвое, — и Вадим в тот вечер принёс матери торт. Мать посмотрела на коробку, на него, всё поняла и сказала только:

— Ну вот. А ты боялся в двадцать четыре года начинать.

— Не боялся, — сказал Вадим. — Тяжело было.

— Тяжело и боязно — разное, — сказала мать. — Ты, главное, спи. Ты у меня в ту зиму как скелет с глазами был.

И она налила чаю, и они сидели на кухне вдвоём, и за окном над их двором стояли в ночном свете берёзы — мокрые, тёмные, уже с наклюнувшимися почками, — и Вадим смотрел на них и думал, что зима кончилась и что всё у него теперь получится, потому что он наконец понял простую вещь: чтобы научиться, не надо ждать, пока научат. Надо взять книгу, сесть ночью и пройти её, как проходят маршрут, — самому, до конца, с повторами.

Глава Тридцатая. Пора, Вадим

Две тысячи второй год шёл Вадиму на пользу, как идут на пользу солдату вторая и третья службы: тело уже знало ремесло, душа уже не тратилась на страх, и всё, что вчера было подвигом, стало работой, а работа эта становилась — жизнью.

Он вырос из стажёров окончательно и без возврата. Клиентов у него теперь было своих — два десятка, от пекарни до двух оптовых баз; он вёл их от заявки до акта, и клиенты, поначалу морщившиеся на «новенького», к концу года просили Палыча: «пусть приходит Горских, нам к нему привычно». Палыч не возражал — он вообще смотрел на Вадима той осенью внимательно, как смотрят на сына, который стал выше отца.

Деньги пришли настоящие. Четыреста у.е., потом пятьсот, к осени — шестьсот, и это были в той Москве уже настоящие деньги, о которых год назад он и не думал: не богатство, нет, — но контора платила вовремя, и он впервые в жизни откладывал. Отложенное лежало в конверте на верхней полке шкафа, и мать знала, где оно лежит, и оба знали, на что оно: на её глаза. Очки она себе так и не купила «после праздников» — он купил ей сам, свёл к врачу, и врач сказал: «а вы, мама, запустили; теперь носить постоянно». Мать носила очки не снимая, маленькая, прямая, в тонкой оправе, —

и ему казалось, что она в них стала похожа на учительницу, а она смеялась: «я, сынок, сорок лет уколы ставила, какая из меня учительница».

Институт шёл своим чередом. Третий курс — курсовые, базы данных, курсовая у него была — сама просилась — про учёт: «Автоматизация складского учёта на базе 1С:Предприятие 7.7», и он писал её не для галочки, а как наставление: с диаграммами от руки, со схемой регистров, с примерами из своей пекарни и своей оптовой базы. Руководитель, доцент Маргарита Сергеевна, прочитав, сказала: «Вы понимаете, о чём пишете. Это редкость».

Летом они с матерью поехали в Дудкино.

Ездили теперь каждый год, в августе, на неделю-другую: мать к сестре, он — к роще. Дудкино не менялось, и в этом была его сила: те же избы под железом, тот же пруд с зелёным краем, та же роща над водой — берёзы, одна к одной, старые, с чёрными прожилками по белому, с плакучими, развесистыми кронами. Вадим приходил туда по вечерам, когда солнце шло за дальний лес и вода делалась розовой, стоял у той самой берёзы — она росла на бугре, отдельно, с огромной, склонённой к воде кроной, — и стоял долго.

Он стоял и смотрел, как она стоит.

Была в этой берёзе та особенная, ни на что не похожая верность, которую он знал с детства и которую не умел назвать словом, пока не сложилось само: она стоит и ждёт. Не цветёт пышнее других, не тянется из последних сил — сто-

ит. Ждала его отца, когда тот был мальчишкой и купался тут в пруду; ждала его самого — маленьким, в начале восьмидесятых, когда отец, ещё живой, стоял тут с ним рядом, в своей кепке, и учил бросать веточки в воду: «считай, сынок, до трёх — и бросай: вода любит счёт»; ждала и после — в девяносто четвёртом, перед проводами, когда он стоял тут уже с одной матерью; ждала и в девяносто пятом, когда он был уже не здесь. Дерево не умеет ждать — так думают люди, у которых нет своей берёзы. У Вадима она была, и он знал: она ждёт, и потому ему можно уезжать куда угодно — в Москву, на любую работу, на любую войну, — потому что есть точка на земле, где его дождутся в любом случае. Не человеком — так тенью; не тенью — так памятью; не памятью — так корнями.

В тот вечер мать пришла к роще сама — редко она ходила теперь, ноги не пускали далеко. Постояла рядом, опёршись на его руку, посмотрела на воду и сказала:

— Хорошо-то как. Как в детстве. Ты вот этот бугорок помнишь? Тут папа твой сидел, когда ты маленький купался — восемь годков тебе было, последний его август. Сидел и молчал. А потом сказал мне: «Лида, — сказал, — наш-то — крепкий. Откуда бы ни ушёл — всё равно домой вернётся. Он упорный, наш-то». В ту осень его и не стало... — Она помолчала. — Деревья-то всё те же. Только мы меняемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.